

А. Бахчинян

*Институт истории Национальной Академии наук Республики Армения,
Ереван*

Михаил Кузмин и армянская действительность

Армянское литературоведение, особенно в советский период, часто и всесторонне исследовало связи многих русских писателей (независимо от их места в русской литературе) с Арменией и армянской действительностью. Однако отношения Михаила Кузмина с армянской действительностью до нас почти не были изучены — они упоминались лишь в контексте его переводов стихотворений выдающегося армянского поэта Егише Чаренца. Причина заключалась в первую очередь в том, что в течение 60 лет (с 1929 по 1989) книги Кузмина в СССР не издавались, и для армянского читателя он был неизвестным автором. В постсоветские же годы исследование русско-армянских литературных связей уже не было актуальным ни для армянского, ни для русского литературоведения, хотя изучение разных авторов продолжалось.

В настоящей статье¹ мы собрали факты, касающиеся дальних и близких отношений Кузмина с армянами и армянской действительностью.²

АРМЯНСКИЕ ЗНАКОМЫЕ

Михаил Кузмин слышал об армянах с детства, так как в Саратове, где прошло раннее детство поэта, его семья жила в доме 21 на Армянской (ныне Волжской) улице. Однако полагаем, что он впервые встретился с армянами после переезда в Санкт-Петербург. В своих дневниках 1905–1907 годов он неоднократно вспоминал своих ар-

мянских знакомых, часто — безымянно. Например, «...я отправился в *raus chauds* к Степану и после *nos ébats* закусить в “Вену”, где сразу попал в объятия Пильского, Каменского, Маныча и какого-то армянина... Пильский потащил в шахматный клуб, пригласив к себе ночевать: он, я, Каменский, Маныч и армянин... Вдруг князь (старшина) Выдбольский, Николадзе, Блюменталь-Тамарин, какие-то армяне затеяли литерат<урный> вечер».³ Или: «поил чаем Сережу и его товарища, довольно бутузистого юношу армянского типа».⁴ Или же: «На Невском были встречи 2, был Валентин, какой-то длинный армянин etc.».⁵ Наверное, эти безымянные армяне были из гомосексуальных кругов Петербурга, что можно полагать из контекста и стиля писателя («попал в объятия <...> армянина»).

В окружении Кузмина был русский поэт армянского происхождения Александр Артемьевич Тамамшев (1888–1940) и его семья. Он, как и члены его семьи, более тридцати раз упоминаются в дневниках Кузмина, так как Тамамшев был гимназическим товарищем племянника Кузмина, писателя Сергея Ауслендера (1886–1937). Александр Тамамшев поступил в университет в 1907 году, а со следующего учебного года начал работать в пушкинском семинаре С. А. Венгерова. Его исторические и литературные произведения, написанные в 1910-х годах, немногочисленны, но очень ценны, и их цитируют по сей день. Они относятся к русской литературе, в частности, к Пушкину. Тамамшев опубликовал два сборника стихов. В 1922 году он уехал в город, где родился — Тифлис, где его след потерялся. Кстати, сестры Александра, Нина и София Тамамшевы, были переводчицами и литературными деятелями. Они составили и в 1913 году издали антологию произведений русских поэтов-символистов «Утренняя звезда (сборник стихов для отрочества)», куда, кстати, не включили произведения брата. Тамамшевы были знакомы практически со всем литературным Петербургом: самим Кузминым документально подтверждено их общение с Ремизовым, Вяч. Ивановым, Блоком, Волошиным и многими другими.

Кузмин и Тамамшев наверняка познакомились в начале 1906 года, так как его имя поэт впервые упомянул 13 марта этого года.⁶ Судя по дневнику Кузмина, он гостил у Тамамшевых довольно часто. Так: «...ездили к Тамамшевым, там уютнее и свободнее, чем можно было ожидать»,⁷ «У Тамам<шевых> был Пильский, пригла-

шали нас к себе разговляться в 9 ч. по-армянски. Поехали домой; было очень скучно. Опять к Тамамшевым, там было штук 5 армян, Пильский и Врасский, разговлялись рыбой и яйцами, без кулича и пасхи». ⁸ (Кстати, в армянской традиции разговляться принято также специальным пасхальным пирогом).

В дневниках Кузмина четыре раза упоминается проживавший в Санкт-Петербурге выдающийся армянский художник, переводчик Вардгес Суреньянц (1860–1921). Поэт как-то упомянул, что художник Судейкин весь вечер провел с Суреньянцем. ⁹ В записи от 31 декабря 1906 года он заявил, что с друзьями заехали «к Суреньянцу, ни № дома, ни верного адреса которого мы не знали». ¹⁰ Через несколько дней, 2 января 1907 года Кузмин написал: «Мал<енькие> актрисы затевают маскарад 7-го у Суреньянца», ¹¹ а в записи через четыре дня заметил: «Пришел Суреньянц, сказавший, что маскарада не будет, жаловавшийся на интриги, на Мейерхольда и т. д.». ¹² Эта скудная информация должна пролить свет на биографию Суреньяца, в частности, на то, что он намеревался организовать маскарад для начинающих актрис (вероятно, у себя в студии) и что художник, сотрудничая с театром, жаловался на великого новатора русского театра Всеволода Мейерхольда. В дальнейшем имя Суреньянца Кузмин также упомянул в своей статье об актрисе Вере Комиссаржевской как о художнике, который оформил спектакль «Трагедия любви». ¹³

Если судить объективно, то в дневниках Кузмина на самом деле существует только одна действительно ценная новость об армянах. 3 мая 1907 года он отметил, что в компании «Свободная печать» «Был <...> молодой армянин от Тамамшевых, изд<ающий> “Молодую Армению”». ¹⁴ По этому поводу издатели дневника в примечаниях цитировали следующее объявление: «Товарищество „Вольная типография» выпускает ряд сборников окраинной литературы; первыми выйдут „Молодая Польша» под редакцией Троповского и „Молодая Армения» под редакцией Нимврода Бэла» (Свободные мысли. № 3. 1 (14) июня; аналогичное извещение — Русь. 1907. № 158. 20 июня (3 июля)). Замысел не был осуществлен». ¹⁵ Автор под псевдонимом Нимврод Бэл, по словам Кузмина, был членом семьи Тамамшевых, но вряд ли это был Александр, с которым Кузмин дружил. Это свидетельство ценно в том смысле, что дает представление о националь-

ном характере Тамамшевых: они не являлись ассимилированными тифлисскими армянами, а были заинтересованы в армянской литературе и намерены были представить современных молодых армянских писателей на русском языке.

Кстати, в дневниках Кузмина, 24 раза был упомянут князь, чиновник Министерства иностранных дел, деятель искусства и коллекционер армянского происхождения Владимир Аргутинский-Долгорукий (1874–1941), тот же самый Арго, как его называли близкие, который когда-то был близким другом Петра Ильича Чайковского, его брата Модеста и их племянника Владимира Давыдова, входя в узкий круг связанный гомосексуальной близостью и известный под именем «Четвертая сюита».

ДВА БЕГЛЫХ УПОМИНАНИЙ

В художественных произведениях Кузмина, насколько нам удалось выяснить, сохранилось лишь одно беглое «армянское» упоминание. В 1909 году Кузмин написал роман «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим замечательным странам». В шестой главе герой романа, Жак, ночью бродит в греческом и армянском районах Константинополя.¹⁶

В 1923 году в тифлисской печати была информация о том, что Кузмин из Баку собирается посетить Тифлис. Об этом сообщалось также в местной армянской газете «Кармир астх» («Красная звезда»): «На днях в Тифлис приезжает поэт Кузмин».¹⁷ Наверняка, это первое упоминание о Кузмине на армянском языке. Однако известно, что Кузмин не посетил ни Баку, ни Тифлис: кузминоведам неизвестно откуда распространялась эта дезинформация.¹⁸

КУЗМИН — ПЕРЕВОДЧИК АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Переводы Кузмина из армянской поэзии и особенно — самого знаменитого армянского поэта нового времени, Егише Чаренца (1897–1937) – факт достаточно известный. Еще в комментариях к 3-му тому мюнхенского «Собрания стихов» писателя указывалось, что «Кузмин переводил стихи Байрона, Рембо, Ронсара, Чаренца и др.».¹⁹

Известно, что в конце жизни Кузмин нуждался и подрабатывал, занимаясь переводами. Его тоже включили в создание сборника армянской поэзии, вышедшего в свет через четыре года после смерти поэта под заглавием «Антология армянской поэзии: с древнейших времен до наших дней» (Москва, 1940). Переводы армянских поэтов Кузмин сделал по предложению писателя Карена Микаэляна (1883–1942), разумеется, по подстрочникам. Проживающий в Москве Микаэлян, видимо, координировал работу с переводчиками антологии, однако его имя в числе составителей сборника не фигурирует. Как свидетельствовал Кузмин в письме, написанном русскому литературоведу и журналисту армянского происхождения Гарегину Бебутову (1904–1987), по предложению Микаэляна он сделал для антологии 350 строк и сдал их издательству, а на вопрос Бебутова, чьи же были эти 350 строк, Кузмин ответил: Аракела Сюнеци, Сиаманто и Ваана Теряна.²⁰

Подробности о переводах армянских поэтов находим в трех письмах Кузмина адресованных тому же Карену Микаэляну, написанных в 1935–1936 годах и ныне хранящихся в личном фонде Микаэляна в Музее литературы и искусства в Ереване.²¹ Эти письма впервые были опубликованы в нашем исследовании о связях Кузмина с армянской действительностью в оригинале и в переводе на армянский.²²

Первое письмо было написано Кузминым 10 августа 1935 года.

Многоуважаемый Карен Сергеевич,

Числа 13–14 я Вам вышло спешным порядком все переводы, на которых мы остановились. Мне кажется, вышло удачно.

Если Вы еще располагаете возможностью уплатить мне, не дожидаясь расчета Асадеми'и, я Вам буду крайне признателен, так как теперь очень нуждаюсь в деньгах. *Пошлите* их на мой счет телеграммой по адресу: *Ленинград* Улица Рылеева д. 17 кв. 9 Михаилу Алексеевичу Кузмину, но известите меня за несколько дней по адресу Детское Село, Московское шоссе 7 9/11 Дом отдыха СНР мне же.

Вернусь я в город только 28 Августа и за деньгами пошлю племянника. Здесь же получать деньги очень хлопотно. Посы-

лаю Вам доверенность на получение денег из Academi'i. Пожалуйста, устройте это, если возможно, скорее, и известите меня.

Уважающий Вас
М. Кузмин.

10 Августа 1935.²³

Следующее письмо Кузмина, адресованное Карену Микаэлян, было написано через четыре дня:

Многоуважаемый Карен Сергеевич,

Посылаю Вам переводы, переписанные от руки. Если можно, пожалуйста вышлите мне деньги по адресу: Ленинград, ул. Рылеева д. 17 кв. 9 и известите об этом Детское Село Московское шоссе 7 9/11 Дом отдыха Секции Научных Работников. *Пожалуйста, сделайте это.* Поэма Христу и стихи Сюникского вышли по моему удачно, Терьян похуже. Всего хорошего.

М. Кузмин.

14 Августа 1935.²⁴

Таким образом, мы узнаем из этого письма, о каких переводах говорил Кузмин в своем первом письме. Из переводов Кузмина в вышеуказанной антологии были опубликованы «Молитва» поэта XIV–XV-го веков Аракела Сюнеци²⁵ (Сюникского) и стихотворение Ваана Теряна (1885–1920) «Возвращение».²⁶ В письме также упоминается стихотворение о Христе: это может относиться к поэме «Иисус Сын» Нерсеса Шнорали или другого произведения средневекового поэта, которое не могло быть включено в антологию в эпоху отвергающую религиозную тематику. Исследование архива Кузмина может пролить свет на вопрос, о каком переводе идет речь.

Третье и последнее письмо, было написано Кузминым Микаэлян 2 января 1936 года, за два месяца до смерти поэта:

Многоуважаемый Карен Сергеевич,

Простите, что я задержал немного с переводом «Погребения». Я весь декабрь был болен.

При случае скажите в бухгалтерии, что они при заключении договора поместили только количество строк первой партии матерьяла <sic!> (совсем без Сиаманто). Когда будут считать, дайте им точное количество переведенного мною.

Поздравляю Вас с наступлением нового года и остаюсь искренно уважающий Вас

М. Кузмин.

2 Января 1936.
ул. Рылеева д. 17 кв. 9.²⁷

Из этого же письма становится ясно, что Кузмин перевел стихотворение «Погребение». Речь идет о стихотворении с таким же заглавием поэта Сиаманто, чье имя, как мы видели, упоминается в письме. Тем не менее, в антологии нет стихотворений Сиаманто в переводе Кузмина.

Так как Кузмин не владел армянским и делал переводы по подстрочникам, не имеет смысла детально исследовать переводческое мастерство поэта. Однако, чтобы понять степень родства перевода с оригиналом, ниже сравним первые строфы нами сделанных подстрочников Аракела Сюнеци с переводом Кузмина:

Подстрочный перевод:

Ты на цветущих горах,
Ароматных, пахнущих ладаном,
Блестишь лучом славы,
Подобно снегу отбеленный.

Перевод Кузмина:

Горы в цветах — волшебный цвет,
Как фимиам, цветов привет,
Так ярко льешь ты славы свет,
Белей тебя и снега нет.²⁸

Очевидно, что перевод не так далек из оригинала, и в каждом куплете сохранен вид рифмовки (aaaa).

Хотя Кузмин считал свой перевод стихотворения Терьана «хуже», однако при сравнении первых куплетов становится ясным, что русский близок оригиналу, где, как и в предыдущем, сохранен вид рифмовки (в данном случае — abba).

Подстрочный перевод:

Вновь из темного подземелья одиночества,
Я вернулся могущественный и гордый,
И шум веселья приветствовал меня,
И он зажег мою душу новой радостью...

Перевод Кузмина:

Из тюрьмы моей одиноких стен
Я, могуч и горд, к вам опять вернулся,
И навстречу мне добрый шум проснулся,
И среди радости я забыл свой плен.²⁹

КУЗМИН И ЧАРЕНЦ

Кажется закономерным, что должны были как-то пересекаться творческие пути Кузмина и первого лица армянской поэзии эпохи — Егише Чаренца.

Чаренц, следивший за современной русской поэзией, должен быть знаком с творчеством Кузмина с юношеских лет. В статье «“Рассекреченный интеллигент” и декларация», написанной еще в 1922 году, Чаренц упомянул имя Кузмина. Будучи еще ярким защитником новоиспеченной большевицкой идеологии, Чаренц в своей статье опровергал те литературные течения и авторов, которые в литературе видели «чистое», «вечное» искусство, упоминая в этом контексте Кузмина наряду с Вяч. Ивановым, Сологубом, Бальмонтом и Брюсовым.³⁰

В следующей своей статье «Современная русская поэзия», написанной в 1923 году, Чаренц снова пренебрежительно отзывается о русских символистах, упоминая имя Кузмина. «Все русские символисты, в лице Брюсова, Бальмонта, Вячеслава Иванова, Кузмина, Сологуба, Блока и др., тогда занимались ‘освобождением личности’, вопросами секса, красивого, мистицизма и прочими ‘проблемами’».³¹

Следует отметить, что позже Чаренц пересмотрел свою максималистскую позицию, отказавшись от резких суждений в оценке литературы прошлого.

В 1934 году Чаренц написал письмо переводчику армянской поэзии Александру Гатову по поводу публикации его сборника на

русском в Закгизе (Закавказское государственное издательство в Тбилиси). «...у меня просьба, очень срочная проблема, я бы очень хотел, чтобы рубайи Закгиза были переведены для моего сборника Закгиза. И если это у вас не получится, не могли бы вы сказать, кому их отдать, чтобы они получились в соответствии с их творческой природой? Поручить Кузмину или, может быть, Шервинскому?»³² Позже, в телеграмме, отправленной Карену Микаэлян в конце 1935 или начале 1936 года, Чаренц написал, что не согласен передать работу переводчику Осипу Румеру, считая его переводы Хайяма «неприемлемыми с точки зрения формы». Он вновь настаивал на кандидатуре Кузмина: «Если Кузмин откажется, попросите передать Спасскому, Лозинскому или еще кому-нибудь другому».³³

В итоге рубайи Чаренца 1926 года были переведены Кузминым, а рубайи 1934 года — Осипом Румером.

Вышеупомянутый Гарегин Бебутов, работник Закгиза, который был вовлечен в работу над изданием сборника произведений Чаренца на русском, в своем очерке «Клятва поэзией» говорит о вовлечении Кузмина в переводческое дело: «На предложение переводить поэтов, посланное мною от имени издательства Михаилу Алексеевичу Кузмину, я получил ответ в середине июня 1935 года. “Мне кажется, — писал он, — удобней взять одного, двух поэтов (скажем, — современного и классика) и перевести из них достаточное количество, чем переводить по одному стихотворению из многих. Тут, конечно, надо выбирать. Я бы предпочел поэтов лирического и описательного характера поэтам ораторского и драматического вдохновения. Мне хотелось бы с переводом подстрочным получить подробное изображение размеров и структуры, чередования рифм или ассонансов, а также транскрипцию (русскими или латинскими буквами) звучания”.

Для начала работы были отобраны Кузминым из поэзии Чаренца “Песнь, посвященная книгам”, “Эпический рассвет”, “К музе”, “Шамирам”, “Бессонница”, “Элегия, написанная в Венеции”.

Михаил Алексеевич спрашивал: “Не совпадают ли выбранные стихи Чаренца с его стихами, вошедшими в антологию поэтов Армении, издаваемую “Academie’ей”, где переводы делаются не мною, чтобы не делать вторично раз сделанной работы?”

<...> М. А. Кузмин обещал выслать нам переводы стихов Чаренца “гораздо раньше срока”, но болезнь мешала, а в начале 1936

года Михаил Алексеевич умер. Что ему удалось перевести из Чаренца (кроме “Рубайи” для издательства “Советская литература”) — не знаю». ³⁴

Мы тоже не знаем — ответ на этот вопрос наверняка можно найти в архиве Кузмина. А русским изданиям произведений Чаренца, запланированным Закизом и издательством «Советская литература», не суждено было осуществиться в 1930-х годах, так как скоро армянский поэт стал жертвой сталинских репрессий. По той же причине переводы его стихов не вошли также в «Антологию армянской поэзии: с древнейших времен до наших дней». Сборник русских переводов Чаренца вышел в свет лишь после посмертной реабилитации поэта, в 1956 году под редакцией Александра Гатова, где впервые вышел поэтический цикл «Рубайи» Чаренца в переводе Кузмина. ³⁵ Эти переводы Кузмина были также переизданы в прессе ³⁶ и сборниках, неоднократно цитировались в русскоязычной литературе о Чаренце. ³⁷

В отличие от известных российских поэтов времени, Кузмина мало переводили на армянский. В 1936 году тот самый Егише Чаренц перевел начало пятого стихотворения из цикла «Александрийские песни» Кузмина, однако оно было издано только через 47 лет дочерью Чаренца в сборнике «Егише Чаренц: неизданные и несобранные сочинения». ³⁸ Неизвестно, Чаренц перевел лишь часть текстов или полный перевод не сохранился.

Вопрос о том, почему Чаренц выбрал именно это сочинение Кузмина, в литературоведении был затронут американским арменоведом Джеймсом Расселом. Говоря о влиянии стихотворения «Пророк» Пушкина на стихотворение Чаренца «Утренняя звезда», Рассел отметил: «Примечательно также, что тема пророческого видения Пушкина в целом была жива и значима для другого писателя-модерниста — Михаила Кузмина (1872–1936), так как Чаренц перевел с русского одну часть его стихотворения. И то, что это Кузмин, важно по нескольким причинам. Во-первых <...> Чаренц был бисексуалом. Его гомоэротичные стихи восходят к последней части его жизни, когда он, не колеблясь, обращается к прошлому и к религиозности. <...> Кузмин был первым и самым важным открытым геем-поэтом в России. <...> В год смерти Кузмина, 1936 г., Чаренц перевел пятую часть в цикле. ...Кузмин осуществляет гармонизацию христианства

и язычества, благочестия и гомосексуальной любви. <...> Поэма перекликается с собственными мыслями и желаниями Чаренца; и, наверное, поэтому именно его он выбрал для перевода». ³⁹ С последней мыслью Рассела невозможно не согласиться, однако мы считаем, что вряд ли неуловимый гомоэротичный контекст в стихотворении Кузмина мог быть стимулом для Чаренца, чтоб его переводить. Заметим, что Рассел, будучи открытым гомосексуалом, в своих исследованиях часто комментировавший исторические и литературные явления через призму своей сексуальности, в данном случае вновь анализировал поставленный вопрос с точки зрения предпочтительной ему перспективы.

В заключение заметим, что мы не исключаем, что данная тематика не заканчивается приведенными фактами. Дальнейшие поиски, особенно исследование личного архива Кузмина, по всей вероятности, могут выявить и другие не менее знаменательные факты, связанные с отношениями выдающегося поэта с армянами и армянской действительностью.

¹ Первоначальный вариант статьи был опубликован на армянском языке (см.: Ըրծվի Բախչինյան, Միխայիլ Կուզմինը և հայ իրականությունը, «Միջազգային գիտաժողովի կյուրերի ժողովածու՝ նվիրված բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր Մելս Սանթոյանի ծննդյան 80-ամյակին» [Бахчинян Арцви. Михаил Кузмин и армянская действительность // Сборник материалов международной научной конференции посвященной 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Мелса Сантояна], Երևան, «Միսմա» ՍՊԸ, 2018. С. 91–102).

² Автор выражает благодарность Евгению Евдокимову (Санкт-Петербург) за указание нескольких источников.

³ *Кузмин Михаил. Дневник 1905–1907 /* Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 393–394.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 396.

⁶ Там же, С. 120.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Там же. С. 349.

⁹ Там же. С. 280–281.

¹⁰ Там же. С. 295.

¹¹ Там же. С. 302.

¹² Там же. С. 304.

¹³ *Кузмин М. А. Проза и эссеистика. В 3 т. Т. 3. М., 1999. С. 421.*

¹⁴ *Кузмин Михаил. Дневник 1905–1907. С. 354.*

